

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

25—26 марта в Лейпциге проходила национальная ономастическая конференция ГДР на тему «Вклад в марксистско-ленинскую ономастику», которая была организована Секцией теоретического и прикладного языкознания Лейпцигского университета им. К. Маркса и проблемной группой «Ономастика», объединяющей лингвистов Лейпцига и Цвикау. Конференция ознаменовала новый этап ономастической работы в ГДР. От региональных исследований, посвященных топонимии небольших территорий, специалисты ГДР перешли к широкому ареальному изучению топонимии и антропонимии. Лингвистические методы исследования дополняются социолингвистическими и историко-этнографическими. Возрос интерес к теоретическим проблемам ономастики. С докладами и сообщениями, а также в дискуссии по докладам выступило 40 человек.

Руководитель Лейпцигской ономастической группы и организатор конференции Э. Эйхлер в своем вступительном докладе «Задачи и перспективы ономастических исследований в ГДР» подчеркнул важность нового этапа разработки ономастических проблем, необходимость освоения новых методов ономастических исследований и остановился, в частности, на роли социолингвистики в связи с различиями в типах именований у представителей разных социальных групп. Он призвал ономастов творчески осваивать тот большой материал, имеющий непосредственное отношение к ономастическим исследованиям, который содержится в работах классиков марксизма-ленинизма и который еще недостаточно полно проанализирован лингвистами.

Генеральный секретарь Международного комитета ономастических наук Г. Драе (Бельгия, Лувен) в докладе, посвященном целям и задачам работы Международного комитета ономастических наук, подчеркнул специфику ономастического материала, испытывающего на себе интерференцию языков, благодаря чему необходимы особые методы его изучения. Он считает ономастику многообещающей и перспективной областью, в которой должны объединиться усилия

многих специалистов, и полагает, что применение счетных машин для ономастических исследований может дать положительный результат.

За два года, в течение которых Г. Драе руководит Международным комитетом ономастических наук (после смерти проф. Ван де Вейера), был проведен X Международный конгресс ономастических наук (Вена, 1969) и опубликованы его материалы, а также изданы труды предыдущего IX конгресса (Лондон, 1966). По инициативе проф. Г. Драе к основной тематике следующего, XI конгресса (София, 1972): «Ономастика и историческая география» и «Транскрипция собственных имен» добавляется третья проблема: «Ономастика и лингвистика».

Интересный доклад о значении ономастических работ Ф. Энгельса для марксистско-ленинской ономастики сделал К. Хенгст (ГДР, Цвикау), с содокладом о работах Энгельса выступил Х. Шультхайс (ГДР, Лейпциг).

Интерференция языков в области ономастики и образование гибридных именных моделей — явление очень типичное для территории ГДР, где до сих пор сохранилось абортинное славянское население (сорбы, или лужичане). Приведенный К. Хенгстом пример гибридной именной модели *Bojandorf* вызвал оживленную дискуссию. Современное немецкое словообразование требовало бы модели *Bojansdorf* с посессиивным *-s-* у первого компонента. В. Шпербер (ГДР, Лейпциг) высказал предположение, что первый компонент сложения мог иметь йотовый суффикс, как это было типично для средневековых славянских названий. Однако, как представляется, йотовый суффикс у первого компонента мог быть лишь в том случае, если второй компонент сложения был также славянским. Возможно, компонент *-dorf* мог оказаться вторичным, калькирующим первичный славянский элемент с близким значением.

Х. Вальтер (ГДР, Лейпциг) показал связь общественного прогресса и исторического развития словарного состава языка, а также параллелизм в развитии общего лексикона и ономастикона.

На социальных моментах в нижнелужицком ономастиконе остановился Ф. Редлих (ГДР, Лейпциг). Населе-

ние областей, где живут лужичане, двуязычно. В антропонимии их отчетливо просматриваются славянские и германские пласты. Сорбы в массе своей крестьяне; заселившие их территории помещики, главным образом — немцы средних классов, принесли с собой германские имена и фамилии. Здесь поэтому типичны фамилии *Шульце* «сельский староста», *Тишлер* «столяр», но не *Ризтер* «судья» (последнюю мог принести с собой выходец из высших классов, которые не участвовали в заселении территории лужичан). В то же время у лужичан отчетливо прослеживается пласт старых крестьянских фамилий, как правило, славянских.

В. Бланар (Чехословакия, Братислава) продолжает большую работу, посвященную функциям антропонимов в обществе и основным характеристикам, заключающимся в антропонимических моделях и основах. Наибольший интерес для его исследования представляют «живые» имена, т. е. несущие реальную характеристику самого человека или его положения в коллективе. Однако, как представляется, указанные характеристики чаще оказываются ретроспективными. Переживая эпоху и своих создателей, имя служит скорее памятником породивших его социальных факторов, нежели их непосредственным отражением. Этой проблематике был посвящен доклад А. В. Суперанской (СССР, Москва) «Изучение лексических основ антропонимов». Сопоставляя лексемы, представленные в именах разных народов, она показала типологическое сходство и различие их именников.

Варьированию собственных имен были посвящены доклады В. Флейшера (ГДР, Лейпциг) и В. Э. Сталтмане (СССР, Москва). В. Флейшер различает для имен около 20 типов вариантов, обычно не имеющих социального или стилистически значимого различия: *ГДР* и *Германская Демократическая Республика*, *Лисси* и *Лиззи*, *Эльбзандштайн-гебурге* и *Саксонская Швейцария*, и дублеты, наделенные подобными различиями: *Вольфганг* и *Вельфген*, *Петер* — *Пьер* — *Пер* — *Пётр*, *Зауседлицц* (зау «свинья») — *Шёнседлицц* (шён — «прекрасный»).

В. Э. Сталтмане сравнивает роль неофициальных вариантов личных имен в русской и латышской языковой среде и показывает лингвистическое отличие их путем сопоставления со словообразовательной системой апеллятивов.

Т. Витковский (Берлин) затронул важную тему о взаимовлиянии письменной традиции и диалектного произношения в топонимии, показав, что письменная фиксация топонимов стремится к регулярности и грамматической и

орфографической «правильности», а устная диалектная форма, особенно в случае двуязычия, точнее сохраняет систему соответствий и звуковых замен в контактирующих языках. Чрезвычайно ценны результаты сопоставительного анализа письменных памятников, отражающих диалектные черты, современных устных диалектных форм и официальных письменных источников.

Й. Каваль (Лейпциг) выступил с анализом словообразовательных моделей названий жителей в русском языке, показав, с какими топонимическими основами сочетаются какие суффиксы.

Оживленный интерес вызвал доклад И. А. Воробьевой (Томск), посвященный социолингвистическому анализу диалектной и ономастической лексики сибирского говора. Топонимия анализируемой территории складывалась вместе с говором переселенцев. С середины XIX в. памятники фиксируют осознанность отличий этого говора от литературного языка (ср. в списке 1859 г.: с. *Мартелово*, т. е. *Маркелово*). В после-революционный период наблюдается значительное приближение диалектных норм к нормам литературного языка. Процесс этот распространяется и на топонимы, неравномерно охватывая разные их типы: названия поселений скорее приближаются к нормам литературного языка, в микротопонимии диалектные черты сохраняются дольше. В. Шпербер отметил аналогичные явления в немецких диалектах, указав на влияние речи старшего поколения на младшее и ее отличие от речи среднего поколения.

Я. Скутил (Чехословакия, Брно) сделал доклад об именах в средневековых памятниках; В. Шпербер — об этимологии этнонима *славяне*, считая наиболее вероятным происхождение его от лексемы *слово*, т. е. человек, слово которого можно понять (ср. *немец* — человек, речь которого не понятна).

Таким образом, в числе наиболее актуальных проблем современных ономастических исследований, помимо творческого овладения наследством классиков марксизма-ленинизма, были названы следующие: сопоставительный анализ литературных и диалектных, устных и письменных, современных и древних форм имен; социальное обследование ономастических систем и вопрос о варьировании имен; ономастические модели и лексемы-наполнители; интерференция языков в ономастике; сходства и различия в развитии лексикона и ономастикона. В этих направлениях специалисты продолжат свою работу в ближайшие годы.

А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане
(Москва)

*

12 и 13 января в Ленинграде состоялись очередные чтения по проблеме «Типология предложения», посвященные памяти академика И. И. Мещанинова. Чтения открыла А. В. Десницкая (Ленинград).

В. З. Панфилов (Москва) в докладе «О типологии предложения» отметил, что типологическая классификация языков, разработанная И. И. Мещаниновым в последнее десятилетие его жизни, основывалась на тех отличиях в структуре предложения, которые свойственны синтаксическому уровню членения предложения, дал на широком языковом материале анализ других сторон структуры предложения, которые наряду с его синтаксической структурой должны быть предметом типологических исследований. На материалах языков различных типов в докладе было показано, что существенные отличия в структуре предложения выявляются не только на синтаксическом уровне, но и на его логико-грамматическом уровне — в способах выражения логико-грамматического членения предложения и функционирующих на этом уровне категорий (предикативности и модальности), а также в характере соотношения синтаксического и логико-грамматического членения предложения. Исследование этих аспектов структуры предложения имеет кардинальное значение для определения его признаков как языковой единицы и его типологической характеристики. Так же, как и на синтаксическом уровне членения, структура предложения на логико-грамматическом уровне коррелирует со структурой слова. Установление характера этой корреляции является одним из важных аспектов типологических исследований, имеющих целью выявление параметров типологической классификации языков.

И. Ф. Вардудль (Москва) в докладе «О разграничении предложения и периода» предложил разграничивать предложение как предикативную единицу и предложение как самостоятельное синтаксическое целое. Понятие «предложение» следует расценивать, по мнению докладчика, на два понятия: «предложение» и «период» (sentence и clause). Предложение следует рассматривать как целую (предикативную) единицу синтаксического яруса. Она делится на члены предложения (или состоит из одного члена предложения). Период является высшей единицей того же яруса и в свою очередь делится на предложения (или состоит из одного предложения). В зависимости от места в составе периода предложение может быть простым или сложным, главным или придаточным, сочиненным или несочиненным.

С. Д. Кацнельсон (Ленин-

град) в докладе «О понятии субъекта предложения» рассмотрел два вопроса: о соотношении понятий логического и грамматического субъекта и о формах его выражения. Широко распространенное разграничение «логического» и «грамматического» субъектов, по его мнению, не имеет под собой реальных оснований. Принятое в традиционной (аристотелевской) логике понятие субъекта, в сущности, совпадает с грамматическими понятиями «господствующего» и «зависимого состава», «темы» и «ремы» (последние не имеют прямого отношения к логике и носят скорее ситуативно-коммуникативный характер). На собственно мыслительном уровне следует различать лишь предикат и неразрывно связанные с ним «аргументы» (или, в терминологии Л. Теннера, «актанты»).

Универсальной формой выражения субъекта как актанта, наделенного функцией «темы», является первое место в предложении (т. е. место впереди других актантов). Это правило действительно не только для аналитических языков, но и для языков синтетического строя. В падежных языках наряду со словопорядком в качестве средства выражения субъекта употребляются специальные падежи, но они являются при этом дополнительным средством выражения субъекта. Они могут поэтому не только дублировать функцию порядка слов, но в ряде случаев вступать с ней в конфликт. В безличных предложениях в роли субъекта выступает форма косвенного падежа. В языках эргативного строя — формы косвенных падежей. Во всех таких случаях решающим средством выделения субъекта является порядок слов.

М. А. Кумахов (Москва) в докладе «О структуре предложения в языках полисинтетического типа» отметил, что в последнее время иногда оспаривается точка зрения, согласно которой глагол способен выполнять роль основного ядра предложения. Однако тот факт, что в полисинтетических языках именно глагол, а не другие лексико-грамматические классы слов характеризуются чрезвычайно высокой степенью синтеза, делает глагол-сказуемое основным ядром предложения. Этим определяется и своеобразие предложения, его отношение к другим языковым единицам. В языках полисинтетического типа предложение не всегда поддается дихотомическому членению, несмотря на разложимость и прозрачность его структуры. Полисинтетизм обуславливает значительный диапазон вариантности структуры предложения; вообще полисинтетизм порождает вариантность предложения в большей степени, чем агглютинация или аналитизм. Возможность чередования подлежащего и второстепенных членов предложения с нулем связана с их irrelevantностью в разных типах предложения. Этой особенностью

объясняется тот факт, что установленные в описательных грамматиках разные типы предложения при анализе их структуры часто оказываются лишь вариантами одного типа предложения. В заключение докладчик отметил, что новые и новейшие синтаксические теории строятся без привлечения материала языков с высокой степенью синтеза.

В докладе Ю. А. Попашова (Ленинград) «О местоименных показателях объектных отношений в балканских языках» были рассмотрены функции кратких форм личных местоимений в современных литературных балканских языках с точки зрения грамматикализации кратких местоимений в этих языках. Потребность в специальных показателях объектных отношений в балканских языках, по мнению докладчика, вызвана синтаксической омонимией — формальным совпадением дополнения с другими членами предложения. Выступая в качестве таких показателей, краткие местоимения в определенных случаях непосредственно сигнализируют синтаксические отношения в предложении. Наличие специальных грамматических показателей объекта позволяет обеспечить регулярное выражение объектных отношений. Это намного повышает способность контекста разрешать омонимию и в тех случаях, когда другие средства, в том числе и сами краткие местоимения, в ее разрешении не участвуют вследствие их отсутствия или нейтрализации.

Е. А. Крейнович (Ленинград) в докладе «Об одной каузативной конструкции сложного предложения в нивхском языке» рассмотрел каузатив в функциях сказуемого простого предложения, сказуемого придаточного предложения и обстоятельного члена предложения. В простом предложении реальный исполнитель действия, выраженный косвенным дополнением, всегда подчинен воле субъекта действия, выраженного подлежащим. В составе сложноподчиненного предложения субъект действия сказуемого придаточного предложения, выраженного каузативом, может действовать как зависимо, так и независимо от воли субъекта действия главного предложения, но почти во всех случаях, отметил докладчик, выявляется заинтересованность последнего в действии, совершаемом первым. При этом сказуемое придаточного предложения, выраженное каузативом, согласуется не со своим субъектом действия, а с субъектом, действия главного предложения, принимая его личный (деепричастный) показатель. Такое же грамматическое оформление получают сказуемые придаточных предложений, выраженных каузативом, при сказуемых главного предложения, представленных глаголами восприятия (видения, слышания).

В докладе Н. Д. Андреева (Ленинград) «Лексико-синтаксические ва-

лентности в их отношении к понятийным категориям» были рассмотрены такие вероятностные дифференциальные признаки, которые противопоставляют один лексический класс другому по устойчивым статистическим различиям в дистрибуции синтаксических связей, т. е. через проявления их лексико-семантических свойств на грамматическом уровне.

Т. А. Бертагаев (Москва) в докладе «Типы предложений в монгольских языках» разделил монгольские предложения по составу и структуре на следующие типы: 1) простые, 2) предложения с оборотом, 3) сложные, 4) осложненные, 5) суперсложные (смешанные). Простые включают: а) подлежащие, б) бесподлежащие-безличные, в) обобщенно-личные, г) предложения с субъектным именем в аблативе [в минимальном составе: субъект (имя в аблативе) плюс объект (имя в вин. падеже) плюс сказуемое (переходный глагол)]. Предложения с оборотом: в минимальном составе: субъектное имя (в им., род. или вин. падежах, в нулевой форме падежа) плюс причастие (деепричастие). Докладчик дал определение обороту как относительно замкнутой синтаксической единице, составленной из указанных выше компонентов и являющейся аналитическим составным членом предложения. Сложные предложения разделяются на сочинительные и подчинительные, союзные и бессоюзные. Из-за неизученности монгольских строевых служебных слов (союзов и союзных слов) и вследствие приравливания оборотов к придаточным предложениям, монголисты до 60-х годов отвергали наличие в монгольском языке сложных предложений. Осложненные предложения образуются из сочетания нескольких (более двух) предложений, с различными видами подчинения. Суперсложные состоят из сочетаний подчинительных и сочинительных предложений различного типа с оборотами и без оборотов.

Х. М. Есенов (Алма-Ата) в докладе «Структурная типология сложноподчиненных предложений в современном казахском языке» отметил, что в тюркских языках сказуемые придаточного предложения со своими отдельно выраженными подлежащими являются основным звеном, скрепляющим этот вид предложений с главным. В оформлении синтаксических отношений важную роль играют послелоги, соотносительные слова и некоторые слова с самостоятельным значением. Докладчик подробно анализирует способы связи придаточных предложений с главными, когда сказуемые придаточных предложений выражены причастием, деепричастием, глаголом в условном наклонении и глагольным именем. Далее Х. М. Есенов по способу выражения связи сложноподчиненных предложений выделяет три основных типа: сложноподчи-

ненные синтетического типа, в которых сказуемое придаточного выражается надежными формами причастий, деепричастиями, глаголом в условном наклонении и глагольными именами; сложноподчиненные предложения аналитического типа, синтаксические отношения в которых характеризуются относительной самостоятельностью членов предложения и связь между которыми является менее тесной, чем в предложениях синтетического типа; сложноподчиненные предложения аналитико-синтетического типа образуются средствами связи как синтетического, так и аналитического типа. В заключение докладчик приходит к выводу, что казахский язык по структурной типологии сложноподчиненных предложений ближе всего стоит к иберийско-кавказским и палеоазиатским языкам, и, прежде всего, к языкам эскимосско-алеутской группы.

Е. В. Пузицкий (Москва)

*

С 13 по 15 января 1971 г. в Киеве проходила Юбилейная научная сессия Академии наук УССР, посвященная столетию со дня рождения академика АН УССР Агафана Ефимовича Крымского. В ее работе приняли участие ученые Украины, Москвы и целого ряда союзных республик.

Во вступительном слове президент АН УССР акад. Б. Е. Патон, отметив роль А. Е. Крымского в деле организации Украинской Академии наук, указал на значение его многосторонней научной деятельности для развития мировой цивилизации. Юбилей академика А. Е. Крымского внесен в 1970 г. в утвержденный XVI сессией Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО перечень выдающихся событий, которые отмечаются во всем мире.

Глубокий анализ научной, педагогической и общественной деятельности А. Е. Крымского дал в своем докладе «Творческий подвиг ученого» вице-президент АН УССР акад. АН УССР И. К. Белодед. Он подчеркнул, что А. Е. Крымскому принадлежит значительное место в истории филологической науки XIX—XX вв. Один из основателей Украинской Академии наук, первый ее непреходящий секретарь, выдающийся организатор, теоретик украинского языкознания, первый директор научного языковедческого учреждения на Украине, А. Е. Крымский, осуществляя принципы ленинской национальной политики, заложил фундамент украинского советского языкознания.

В докладе А. Е. Засенко (Киев) «А. Крымский — исследователь и критик украинской литературы» обстоятельно освещен вопрос идейно-политической эволюции взглядов А. Е. Крымского в области истории и критики древней и новой украинской литературы. Докладчик

особо подчеркнул значение творческой дружбы А. Е. Крымского с И. Франко, М. Драгомановым, М. Павличком, Лесей Украинкой и другими передовыми деятелями.

И. М. Смилянская (Москва) в докладе «А. Е. Крымский как востоковед и арабист», отметив, что одной из важнейших линий научного творчества А. Е. Крымского было изучение проблемы культурно-исторического взаимодействия народов на материалах Ближнего и Среднего Востока, выделила то новое, что внес ученый в ориенталистику (важные открытия в области изучения так называемых «бродячих сюжетов» в литературе, попытки вскрыть социальные корни в оппозиционных течениях религиозно-философской мысли Востока и др.) и остановилась на значении фундаментального рукописного труда «История новой арабской литературы», определив его как исследование, опередившее на несколько десятилетий мировую науку.

На заседаниях Секции украинистики было прослушано 13 докладов.

Чл.-корр. АН УССР И. А. Гуржий (Киев) в докладе «А. Е. Крымский о некоторых проблемах истории Украины» охарактеризовал важные проблемы истории Киевской Руси и Украины — этногенез украинского народа, этническое единство восточных славян, связи Киевской Руси с Ираном эпохи саманидов, возникновение казачества на Украине и др., которые затрагиваются в трудах А. Е. Крымского.

Анализу литературно-художественного творчества А. Е. Крымского посвятили свои доклады А. А. Каспрук (Киев) «Поэтическое творчество А. Е. Крымского» и П. И. Колесник (Киев) «Роман А. Е. Крымского „Андрій Лавовський“».

А. И. Дей (Киев) в докладе «А. Е. Крымский — исследователь украинского устного народного творчества», рассмотрев труды А. Е. Крымского по фольклористике, выразил пожелание, чтобы ценные рукописные фольклорно-этнографические материалы ученого были опубликованы в серии «Памятники украинского фольклора», к изданию которой приступил Институт искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР.

В докладе М. А. Жовтюрха (Киев) «Проблемы исторической фонетики в работах А. Е. Крымского» подчеркивалось, что ученым, существенно расширившим круг вопросов в области исторической фонетики украинского языка, которые требуют исследования, были сформулированы некоторые закономерности фонетических изменений так, как они формулируются и в настоящее время; для многих фонетических процессов оп-

ределены условия, в которых они происходили (например, для изменения *е* в *о* после шипящих и после *ј* в украинском языке определено обязательное условие — исконная твердость следующего за *ј* согласного). Положительной особенностью работ А. Е. Крымского является стремление к хронологизации исторических явлений в развитии звуковой системы украинского языка (например, падение редуцированных *ъ* и *ь*, появление вторичного *і* и др.). Проследивая реализацию того или иного фонетического явления в территориальных диалектах, исследователь устанавливал время его распространения в украинском языке в целом. А. Е. Крымский точнее, чем его предшественники и современники, с которыми он полемизировал, определял фонетические особенности украинского языка на разных этапах его развития (в частности, такие, как переход *о* в *е* в различных условиях, переход *о* в *е* и некоторые другие).

Лингвистические работы ученого отличаются большим количеством фактических данных из письменных памятников украинского языка на протяжении всей истории его развития. Заслуживают внимания его замечания о необходимости критического отношения к тем или иным фактам, отраженным в памятниках. Исследования А. Е. Крымского в области исторической фонетики украинского языка являются важной вехой в науке, во многом они не утратили своей научной ценности и в наше время.

В. М. Русановский (Киев) в докладе «Вопросы исторической грамматики в работах А. Е. Крымского» отметил, что истолкование фактов истории грамматической структуры ученых подчинял освещению истории древнейшего периода в истории восточнославянских языков, представленного письменными памятниками XI—XIV вв., уделяя большое внимание периоду общерусского единства и его распада, началу и интенсификации дивергентных процессов в восточнославянском языковом мире, которые, в конечном счете, привели к возникновению трех восточнославянских языков. В докладе рассмотрена концепция происхождения восточнославянских языков, выдвинутая А. Е. Крымским, который не раз решительно высказывался за существование периода восточнославянского языкового единства.

Представляют интерес соображения А. Е. Крымского о происхождении отдельных форм в украинском языке. Рассматривая вопрос о причинах распространения надежных окончаний мн. числа из парадигмы имен существительных с основой на *-а-* в парадигму *ѡ-* основ и основ на *-й-*, А. Е. Крымский в связи с тем, что соответствующие формы не фиксируются украинскими грамотами, пришел к выводу о том, что они были

заимствованы украинским языком из белорусского в XV в.

Как и большинство современных исследователей, он объяснял появление глагольных форм прошедшего времени на *-ѡ-*, постепенно вытеснявших формы на *-ѣ-*, влиянием старых причастий на *-ѡ-*; отклоняла предположение о фонетических причинах образования форм прошедшего времени на *-ѡ-*, исследователь привлекал для сравнения материал сербско-хорватского языка. Докладчик признал значительным вклад А. Е. Крымского в историческую грамматику украинского, а также русского и белорусского языков.

О неутомимой организационной деятельности А. Е. Крымского в области украинской лексикографии и его лексикографических трудах говорилось в докладе С. И. Головащук (Киев) «А. Е. Крымский как лексикограф».

В докладе П. Д. Тимошенко (Киев) «Вопросы развития украинского литературного языка в трудах А. Е. Крымского» отмечается, что, обсуждая вопросы, связанные с нормализацией украинского литературного языка, А. Е. Крымский всегда выступал за развитие украинского литературного языка на восточно-украинской диалектной основе, поскольку говоры Поднепровья сравнительно однородны и попятны для носителей других украинских говоров.

В докладе А. А. Москаленко (Одесса) «Роль А. Е. Крымского в истории украинской орфографии» освещено активное участие А. Е. Крымского в работе по созданию орфографических кодексов украинского языка; особое внимание уделено критике А. Е. Крымским проекта украинской орфографии, утвержденного в 1928 г.

В. В. Нимчук (Киев) в докладе «Памятники украинского языка в трудах А. Е. Крымского» отметил, что традицию издания памятников успешно продолжает Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР.

И. Г. Матвеев (Киев) в докладе «Вопросы украинской диалектологии в работах А. Е. Крымского» подчеркнул, что вопросы исторической диалектологии ученых рассматривались в двух планах: 1) определялось диалектное членение южнорусских (протоукраинских) говоров в древнерусский период, а также диалектные особенности украинского языка в более поздние периоды; кроме того, рассматривалась проблема диалектного членения современного украинского языка; 2) делались попытки проследить отдельные явления современных диалектов в письменных памятниках разных столетий и, наоборот, обнаружить в современных украинских говорах соответствия определенным аномалиям, зафиксированным в письменных памятниках.

Место и роль ономастики в работах А. Е. Крымского осветил в докладе «Оно-

мастика в трудах А. Е. Крымского К. К. Целуйко (Киев), который призвал учитывать два основных направления деятельности А. Е. Крымского в данном аспекте — научное и литературно-художественное. Докладчик подчеркнул, что ученый часто использовал ономастический материал как источник для тех или иных теоретических обобщений и выводов.

А. В. Непокупный (Киев) в докладе «Полесье в лингвистических интересах А. Е. Крымского» констатировал, что начало целенаправленным исследованиям лексики Полесья положил А. Е. Крымский, предвосхитив тем самым разработку той области советского славяноведения, которая плодотворно исследуется в последние годы.

В заключительном слове руководитель Секции В. М. Русановский отметил, что Юбилейная сессия является началом большой и серьезной работы по изучению богатого научного наследия выдающегося украинского филолога, историка и писателя академика АН УССР А. Е. Крымского.

На заседаниях Секции востоковедения было прослушано и обсуждено 22 доклада. Из них 9 докладов было посвящено различным, прежде всего историко-филологическим и историко-культурным аспектам научной, научно-педагогической и литературно-критической востоковедной деятельности замечательного ученого.

В докладе Г. И. Никulina (Киев) «А. Е. Крымский — исследователь языков Ближнего и Среднего Востока» представлена общая характеристика некоторых важнейших лингвистических проблем, связанных с изучением природы взаимодействия близкородственных и разнородных языков, общих и частных, внутренних и внешних причин и факторов языковых эволюций, в том числе — процессов формирования литературных языков, в таких широко известных трудах, как «Семитские языки и народы» Т. Нёльдеке в обработке А. Е. Крымского (с участием акад. П. К. Коковцева), «Тюрки, их мови та літератури» и в неопубликованной работе А. Е. Крымского «Лінгвістична приналежність хазарів (і однововних з ними булгарів) як хронологічний ключ для їх найдавнішої історії, зхорашейся в Рукописном фонде Центральної научної бібліотеки АН УССР».

Как известно, подавляющее большинство работ А. Е. Крымского посвящено специальным исследованиям в области истории (в том числе — истории религии), этнографии, культуры и просвещения семитских, иранских и тюркоязычных народов Ближнего и Среднего Востока. Отдельные аспекты этой необычайно широкой ориенталистической проблематики нашли отражение во многих докладах

Секции востоковедения. Так, Н. А. Кузнецова (Москва) в докладе «Труды А. Е. Крымского по иранистике», отметив энциклопедическую широту иранистических интересов ученого, подчеркнула его роль в развитии комплексного подхода к исследованию иранской проблематики с позиций историко-географических и историко-филологических, литературоведческих и философских, религиозных и культурно-просветительских. Особенно значителен вклад А. Е. Крымского в изучение иранского элемента в истории культур и народов Средней Азии, Кавказа и Причерноморья, в развитии и формировании цивилизации на Ближнем и Среднем Востоке в древности и в средние века. В частности, основные причины возникновения суфизма и роль персов в разработке идеологии этого мистико-аскетического направления исламизма, а также социальная оценка возникновения исмаилизма и бабизма намечены А. Е. Крымским в «Очерке развития суфизма». Ученый в своих работах последовательно развивал тезис о многонациональности арабоязычной литературы, так называемой «мусульманской» и «иранской» культуры, не раз подчеркивая участие персов, арабов, тюрков, сирійцев и других народов в создании средневековой культуры на Востоке.

А. И. Ганусец (Киев) в докладе «А. Е. Крымский — талантливый украинский переводчик и исследователь литератур народов Востока» обратил внимание на то, что А. Е. Крымский впервые в истории украинской культуры перевел на украинский язык непосредственно с языка оригинала турецкие народные песни, персидские стихи Омара Хайяма, Хафиза, Саади, важнейшие разделы эпопеи Фирдоуси «Шах-наме» и др. Много и плодотворно ученый работал над исследованиями в области истории турецкой, персидской и особенно арабской литературы — им были написаны фундаментальные труды и сотни научных статей, заметок, посвященных творчеству лучших поэтов различных народов Востока. Эта же тема исключительно на материале новой арабской литературы была представлена в докладе Ю. Н. Кочубея (Киев) «Вклад А. Е. Крымского в изучение новой арабской литературы». Собственно исторической проблематике в востоковедном наследии ученого посвящен был доклад А. Г. Зыбиной (Киев) «А. Е. Крымский — выдающийся исследователь истории арабского Востока». В докладе И. Ф. Черникова (Киев) «А. Е. Крымский и разработка вопросов истории Турции» на материале целого ряда широко известных трудов [«История Турции и ее литературы (от возникновения до начала расцвета)», «История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка», «История Туреччины», «История Туреччины та її

письменства», «Вступ до історії Туреччини» и др.] характеризуется комплекс важнейших проблем, связанных с результатами глубоких исследований А. Е. Крымского в области изучения социально-экономической природы причин, обусловивших успехи турецких завоеваний в XIV—XVI вв., рост и расцвет Османской империи, а затем — упадок и, в конечном итоге, разложение этого деспотического государства.

В сообщении С. М. Алиева (Москва) «Вклад А. Е. Крымского в изучение истории культуры Азербайджана» отмечено, что А. Е. Крымский был первым советским ученым, опубликовавшим оригинальные исследования по истории Кавказской Албании. Он создал ряд работ, посвященных малоизвестной истории североазербайджанских городов Шеки и Кабала, и раскрыл некоторые неизвестные страницы истории Северного Азербайджана II—X вв. н. э. В докладе были охарактеризованы также взгляды А. Е. Крымского на персональную литературу Азербайджана эпохи сельджукидов, при этом особое внимание уделялось его неопубликованной монографии «Низами и его современники».

На материале интересных архивных данных было построено сообщение А. П. Базиянца (Москва) «Научная и педагогическая деятельность А. Е. Крымского в Лазаревском институте восточных языков». В докладе Н. А. Баскакова (Москва) «К столетию академика АН УССР А. Е. Крымского (из писем А. Е. Крымского к В. А. Гордлевскому)» на широком культурно-историческом фоне показаны важнейшие этапы научно-педагогической деятельности этого крупнейшего слависта и ориенталиста широкого профиля.

Целый ряд докладов Секции востоковедения Юбилейной сессии представляет собою разработку отдельных вопросов, связанных с проблематикой III Всесоюзного симпозиума «Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках», который был создан по инициативе Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», Института языкознания АН СССР и Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР и приурочен к столетию со дня рождения А. Е. Крымского.

Здесь были прослушаны и обсуждены доклады и сообщения, посвященные в основном историко-этимологическому изучению тюркских лексических элементов восточнославянских языков, теории и практике составления национальных, региональных, ареально-профессиональных и лексико-тематических словарей тюркизмов; а также — обидеингвистическим проблемам и обобщающим по-

строениям в области теории языковых контактов и взаимодействий, билингвизма и полилингвизма, фонетико-морфологических субституций и собственно семантических ассимиляционных сдвигов в условиях иноязычного заимствования на материале тюркских лексических элементов славянских языков.

Наиболее общие вопросы, связанные с различными аспектами теории и практики историко-этимологических исследований в области проблемы Turco-Slavica и Slavo-Turcica, рассмотрены были в коллективном докладе Н. А. Баскакова, Р. В. Болдырева (Киев), И. Г. Добродомова (Москва) и А. Е. Супруна (Минск) «Проект инструкции для составления национальных словарей тюркизмов».

Специфике и «моделированию» лингвистической интерференции языковых контактов в связи с теоретическими изысканиями в области общей интерлингвистики был посвящен доклад А. М. Рота (Ужгород) «Проблемы восточнославяно-тюркских языковых контактов и взаимодействия языков и диалектов Карпатского ареала». В докладе указывалось, в частности при характеристике взаимосвязанности типа языковых контактов с динамичной лингвистической интерференции, на необходимость расчленения тюркских лексических элементов в восточных и западных славянских языках и диалектах по их «первичным историческим» и «историческим» источникам заимствования.

В. Д. Аракин (Москва) в докладе «Тюркские лексические элементы в древнерусских повестях и сказаниях XIII—XV вв.», основываясь на проведенном им историко-этимологическом анализе, убедительно показал, что обнаруженные в текстах памятников тюркские лексические элементы в основном представляют собой заимствования из кыпчакского языка населения Золотой Орды. Докладчик подробно остановился на вопросах ассимиляции древнерусским языком тюркизмов в различных сферах — фонетико-морфологической и синтаксико-лексической.

Некоторым общим и частным вопросам историко-этимологического изучения тюркских лексических элементов в белорусском языке посвящен был доклад А. К. Антоновича (Вильнюс) «К вопросу о татаризмах, проникших в белорусский язык из татарско-мусульманской письменности на белорусском языке» и сообщение М. Г. Булахова (Минск) «Из истории тюркизмов в белорусском языке».

Различные аспекты историко-этимологической и ареально-функциональной характеристики тюркских лексических элементов в русском языке представлены были в докладах Г. Н. Асланова (Баку) «Тюркизмы в первых академиче-

ских словарях русского языка», В. Д. Бондалетова (Пенза) «Состав, функционирование и ареалы распространения тюркизмов в русских арг», Э. Н. Кушлиной (Душавбе) «О принципах составления словаря ареальных тюркизмов русской речи» и Д. С. Сетарова (Карпи) «Тюркизмы в русских названиях хищных животных».

Сложный комплекс вопросов, связанных с многоплановым изучением проблемы восточнославянского-булгарских языковых контактов, нашел отражение в докладе И. Г. Добродомова (Москва) «О булгарских элементах украинского языка». С докладом «Тюркские лексические элементы в „Літописи“ С. Величко» выступил Г. И. Халимоненко (Москва).

Г. Ф. Благова (Москва) предприняла попытку ареального изучения семантики одновременных заимствований из различных тюркских языков в русском языке, с привлечением показаний других славянских и иносистемных языков. Характеристике различных по своей природе и направлению семантических процессов, сопутствующих переходу слов из тюркских языков в русский, посвящен был доклад К. Р. Бабаева (Бухара) «Семантические изменения тюркизмов при их заимствовании».

Состоявшийся на заседаниях Секции востоковедения обмен мнениями по проблемам, относящимся к различным, в том числе и культурно-историческим, аспектам изучения научного и литературно-критического востоковедного наследия А. Е. Крымского, был бесспорно

полезен не только для действительно широкой и многоплановой популяризации его работ, для дальнейшего углубленно-всестороннего ознакомления с истинные титанической по масштабам замыслов и осуществлению деятельностью выдающегося ученого, но и для объективно-критического осмысления целой эпохи в развитии отечественной ориенталистики конца XIX — середины XX вв., имя которой — Агафангел Ефимович Крымский.

Широко обсуждались также на заседаниях Секции востоковедения доклады и сообщения по проблемам тюркологического симпозиума, посвященного памяти академика А. Е. Крымского. Выступавшие в прениях участники сессии (В. Д. Аракин, Н. А. Баскаков, А. Е. Супрун, М. А. Рот, В. Д. Бондалетов, И. Г. Добродомов, Р. В. Болдырев и др.), рассматривая различные вопросы, связанные с многосторонней характеристикой тюрко-славянских взаимодействий, подчеркивали важность и полезность объединения усилий тюркологов и славистов Советского Союза при разработке теории и практики историко-лингвистических исследований в области глубокого и всестороннего изучения тюркских лексических элементов в восточнославянских языках. Итоги работы Секции востоковедения были подведены в заключительном слове Н. А. Баскакова.

Материалы Юбилейной научной сессии АН УССР будут опубликованы в специальных сборниках.

Р. В. Болдырев, Г. И. Никулин (Киев)

Articles: V. Z. Panfilov (Moscow). The categories of thinking and language. Formation and development of the quantity-category in language; S. A. Mironov (Moscow). F. Engels and the study of the history of the Netherlandish language; **Discussions:** M. I. Steblin-Kamenskij (Leningrad). Labelling and cognition in the theory of grammar; V. G. Admoni (Leningrad). Classification of grammatical theories in modern linguistics; V. B. Kasevič (Leningrad). Some logical aspects of the phoneme; E. M. Mednikova (Moscow). On the lexical-morphological categories; E. A. Zemskaja (Moscow). Russian colloquial speech; **Materials and notes:** L. S. Kovtun (Leningrad). On the latent semantic changes; V. E. Ušakov (Yoškar-Ola). Old Russian accentuated language-monuments of the middle of the XIV century; **Critics and bibliography; Scientific life:** A. M. Mirzoyev, I. L., Nikolayev (Dušanbé). The development of linguistics in Tadzhikistan during 1965—1970.

SOMMAIRE

Articles: V. Z. Panfilov (Moscou). Catégories de la pensée et de la langue. Formation et développement de la catégorie de quantité dans la langue; S. A. Mironov (Moscou). F. Engels et l'étude de l'histoire de la langue néerlandaise; **Discussions:** M. I. Steblin-Kamenskij (Léningrad). Appellation et connaissance dans la théorie grammaticale; V. G. Admoni (Léningrad). Classification des théories grammaticales dans la linguistique moderne; V. B. Kasevič (Léningrad). Quelques aspects logiques de la notion de la phonème; E. M. Mednikova (Moscou). Sur les catégories lexico-morphologiques; E. A. Zemskaja (Moscou). Le langage parlé russe; **Matériaux et notices:** L. S. Kovtoun (Léningrad). Les changements sémantiques latents; V. E. Oušakov (Yoškar-Ola). Les monuments accentués vieux-russes de la moitié du XIV siècle; **Critique et bibliographie; Vie scientifique:** A. M. Mirzoyev, I. L. Nikolayev (Doušanbé). Le développement de la linguistique au Tadzhikistan pendant 1965—1970.

Технический редактор Н. А. Колгурина

Сдано в набор 29/VI—1971 г.	Т-13093	Подписано к печати 26/VIII-1971 г.	Тираж 6800 экз.
Зак. 2566	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 14,0 Бум. л. 5,0	Уч.-изд. л. 17,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10